

УДК 316.42:303.442.3

<https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2149>

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Самоорганизация в социологической теории: концептуализация, эволюция подходов и перспективы анализа

А.Л. Гусейнова[✉]

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, г. Москва*

[✉]aguseinova@gmail.com

Аннотация. В социологической теории существует проблема неопределенности понятия самоорганизации, что затрудняет ее эмпирическое изучение. Для преодоления этой неопределенности следует переосмыслить происхождение понятия самоорганизации и эволюцию подходов к ее исследованию в социологии, а также выявить границы применимости этих подходов. Данное исследование также затрагивает проблему операционализации самоорганизации, связанную с многоуровневостью этого явления и сложностями перехода от микро- к макроанализу. **Цель:** описание концептуальных оснований социологического анализа самоорганизации и выявление перспективных направлений ее исследования. **Методы:** историографический анализ для прослеживания эволюции идей и сравнительный метод для сопоставления теоретических подходов. **Результаты:** выделены четыре основных подхода к исследованию самоорганизации в современной социологии, а также связанные с ними методологические трудности. Автор приходит к выводу, что самоорганизация представляет собой многомерное явление, требующее комбинации различных теоретических подходов, а перспективными направлениями дальнейших исследований выступают инфраструктурное опосредование самоорганизации, ее доместикация под воздействием власти и специфика самоорганизационных процессов в пограничных ситуациях.

Ключевые слова: самоорганизация, социальный порядок, социологическая теория, коллективное действие, коммуникативное действие, социальные сети, практики, цифровые платформы, доместикация самоорганизации, пограничные ситуации

Для цитирования: Гусейнова А.Л. Самоорганизация в социологической теории: концептуализация, эволюция подходов и перспективы анализа. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 2026, Т. 54, № 2, С. 148–160. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2149>

UDC 316.42:303.442.3

<https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2149>

Self-organization in sociological theory: conceptualization, evolution of approaches, and research prospects

A.L. Guseinova✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉aguseinova@gmail.com

Abstract. In contemporary sociological theory, there remains a problem of conceptual uncertainty surrounding the notion of self-organization, which complicates its empirical study. To overcome this uncertainty, it is necessary to reconsider the genealogy of self-organization and the evolution of approaches to studying it within sociology, as well as to identify the limits of their applicability. This study also addresses the problem of operationalizing self-organization, which is linked to the multilevel nature of this phenomenon and the difficulties of moving from micro- to macro-analysis. **Aim.** To describe the conceptual foundations of the sociological analysis of self-organization and to identify promising directions for its investigation. **Methods.** Historiographical analysis to trace the evolution of ideas and a comparative method to compare theoretical approaches. **Results.** Four main approaches to studying self-organization in contemporary sociology are identified, along with the associated methodological difficulties. The author concludes that self-organization represents a multidimensional phenomenon requiring a combination of different theoretical approaches, and that promising directions for further research include the infrastructural mediation of self-organization, its domestication under the effect of power, and the specific features of self-organizing processes in boundary situations.

Keywords: self-organization, social order, sociological theory, collective action, communicative action, social networks, practices, digital platforms, domestication of self-organization, boundary situations

For citation: Guseinova A.L. Self-organization in sociological theory: conceptualization, evolution of approaches, and research prospects. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2026, vol. 54, no. 2, pp. 148–160. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2149>

Введение

Современное общество развивается нелинейно, традиционные механизмы социального регулирования сосуществуют со спонтанными, самоорганизующимися процессами. Это существенный вызов социологической теории, поскольку классические парадигмы, сформированные в индустриальную эпоху, оказываются нечувствительны к сложным формам индивидуальной и коллективной агентности, управленческих решений и стихийных социальных практик. В этих условиях становится актуальным переосмысление теоретико-методологических оснований социологии. Самоорганизация становится здесь ключевым концептом, который применим к самым разным уровням социальной реальности: от индивидуальных действий и малых групп до сложных институтов, сетевых структур и макросоциальных систем.

Объектом исследования в данной статье выступает общественная самоорганизация, понимаемая как способность социальных образований к спонтанному формированию устойчивых паттернов поведения и взаимодействия без централизованного управления; предмет исследования – теоретические модели и эмпирические практики самокоординации групп различного масштаба. Цель статьи – описать концептуальные основания социологического анализа самоорганизационных процессов. Это предполагает не только фиксацию многообразия трактовок самоорганизации, но и прояснение того, как этот концепт функционирует в теоретической социологии: какие механизмы считаются ключевыми, на каких уровнях социальной реальности они проявляются и при каких условиях приводят к устойчивому порядку. Соответственно,

цель статьи разбивается на следующие задачи: рассмотреть, как сформировалось понятие самоорганизации и как перешло в собственно социологический контекст, выявить способы концептуализации механизмов самокоординации в социологии и обозначить методологические трудности исследования самоорганизационных процессов.

Методологическая база статьи включает историографический анализ для прослеживания эволюции идей и сравнительный метод для сопоставления теоретических подходов и выявления траектории развития темы самоорганизации в социологии.

Междисциплинарные истоки понятия самоорганизации

Понятие «самоорганизация» ввел в научный оборот английский кибернетик Уильям Росс Эшби в 1947 г. в статье «Принципы самоорганизующейся динамической системы». Он определил ее как процесс, при котором изолированная детерминированная динамическая система автоматически эволюционирует к состоянию равновесия, формируя структуры, адаптированные к окружающей среде [1].

Истоки идеи самоорганизации можно обнаружить в классической философии. Например, античные атомисты (Демокрит, Лукреций) считали, что порядок в природе может возникать спонтанно, без проектирующего разума при достаточном количестве времени, пространства и материи. Декарт в пятой части «Рассуждения о методе», а также в неопубликованной при жизни работе «Мир или трактат о свете» выдвинул гипотезу об упорядочении в системе за счет ее внутренней динамики [2]. Кант в «Критике способности суждения» писал о самоорганизации в связи с телеологией, утверждая, что системы, части которых одновременно являются целью и средствами, способны управлять собой [3].

В XX в., когда исследовательское внимание в естественных науках смещается от описания состояний систем к анализу того, как они приходят к равновесию (и сохраняют его) без внешнего «проектировщика», самоорганизация перестает быть философской метафорой. В 1960–70-е гг. понятие становится центральным в теории систем (Л. фон Берталанфи), синергетике (Г. Хакен) и теории диссипативных структур (И. Пригожин). Тогда же оно приходит и в социологию во многом благодаря междисциплинарному взаимодействию. Ключевой фигурой здесь является Н. Луман – создатель теории самореферентных социальных систем, где коммуникация выступает ключевым элементом самоорганизации. Он определял общество как самодостаточную систему, которая воспроизводит себя и отграничивается от окружающей среды исключительно через коммуникацию. Коммуникацией можно считать любое событие, когда нечто выделяется из фона, передается и распознается именно как информация (то есть понимается), а не как шум. В теории Лумана нет субъекта в привычном смысле: действует не индивид, или группа, или социальный институт, а проявляется сама связность таких событий. Все, что становится коммуникацией (не обязательно вербальной; другие примеры – обмен жестами, денежный расчет и т. п.), принадлежит обществу, все прочее – физические объекты, тело и психика человека и др. – относится к внешней среде общества. Таким образом, самоорганизация была понята не как самопроизвольность в физическом или биологическом смысле, а как воспроизводство общественных отношений через смысловые процессы. Социология заимствует у естественных наук язык описания сложности, но соответственно своему предметному полю переопределяет, что является элементом системы и как она поддерживает собственную целостность [4].

Предпосылки в классической социологии

Хотя термин «самоорганизация» является относительно новым, сама проблематика спонтанного возникновения и воспроизводства социального порядка присутствует в классической социологии с момента ее становления. По существу, классики ставили вопрос о том, каким образом индивидуальные действия и локальные взаимодействия создают устойчивые нормы,

институты, структуры, и какие механизмы обеспечивают воспроизводство порядка в изменчивой социальной реальности.

Доминирующей установкой было объяснение порядка через нормативные и институциональные механизмы интеграции. Так, Э. Дюркгейм полагал, что социальная солидарность обеспечивается системой коллективных представлений и моральных обязательств. Механическая солидарность основывается на сходстве, органическая – на разделении труда и взаимозависимости [5]. Дюркгейм не использовал понятия самоорганизации, однако его анализ позволяет увидеть, что социальный порядок возникает не только в результате внешнего принуждения, но и благодаря распределенным механизмам координации поведения. Однако в целом дюркгеймовская логика ориентирована на объяснение порядка как следствия нормативной и моральной регуляции, что делает стихийные формы координации менее заметными.

Похожая установка характерна и для структурного функционализма Т. Парсонса, рассматривавшего общество как систему, устойчивость которой обеспечивается выполнением функциональных требований и поддержанием нормативного порядка. Индивидуальная активность осуществляется в контексте общественных ожиданий: у человека есть индивидуальные цели, однако перечень допустимых целей (и средств) ограничен общественной нормой. Благодаря социализации нормы интериоризируются и таким образом достигается стабильность социальных ролей и структур [6]. Получается, Парсонс мыслит порядок как состояние, которое система удерживает за счет институтов, – и в его теории не анализируются самоорганизационные процессы как возникновение новых порядков из локальных взаимодействий.

Иным образом осмысляет самоорганизацию (также не употребляя это понятие) М. Вебер. Отправная точка его анализа – не система или норма «сверху», а осмысленное социальное (то есть ориентированное на другого) действие, а социальность – это производная от множества таких действий. Переход от индивидуального смысла к устойчивым формам социального порядка Вебер связывает с тем, что люди действуют в похожих ситуациях похожим образом, благодаря чему возникают устойчивые ожидания, которые затем могут закрепляться нормативно и институционально. Другими словами, порядок вырастает «снизу» – как стабилизация взаимных ожиданий [7]. Фактически веберовская теория видит микрооснование порядка, однако ей недостает аппарата описания нелинейной динамики и механизмов эмерджентного перехода от взаимодействий на микроуровне к взаимодействиям и структурам более высоких порядков.

Можно заключить, что в классической социологии уже присутствует проблематика самоорганизации. Однако у классиков приоритетным остается анализ интеграции и устойчивости социального порядка, и потому последующее развитие теории самоорганизации в социологии потребовало сместить акцент на анализ динамики, конфликтов и спонтанного возникновения новых форм координации.

Классификация текущих подходов

Переход от социологической классики к современным интерпретациям самоорганизации связан с изменением исследовательского фокуса – на первый план выходит анализ того, каким образом устойчивые формы координации возникают из локальных взаимодействий. В зависимости от того, что именно рассматривается как механизм возникновения и воспроизводства социального порядка, можно выделить четыре ключевых подхода.

Первый восходит к работам М. Олсона и Э. Остром. Здесь самоорганизация обсуждается в связи с проблемой коллективного действия: почему множество индивидов, каждый из которых преследует собственную выгоду, может вести себя как единый субъект – без внешнего принуждения и централизованного управления? М. Олсон показал, что самоорганизация больших групп неизбежно сталкивается с проблемой «безбилетника»: рациональный индивид предпочитает пользоваться благами коллективного действия, но избегает личного вклада в их

производство. Однако самоорганизация возможна при наличии механизмов, которые связывают индивидуальную мотивацию с коллективным результатом, – селективных стимулов и санкций, а также институтов, способных внедрять стимулы и накладывать санкции [8].

Э. Остром [9] на богатом эмпирическом материале показала ошибочность мнения о принципиальной неэффективности совместного управления ресурсами. Она выделила ряд условий, которые способствуют самоорганизации сообществ для управления общими ресурсами:

- четко определенные границы – самоорганизация возможна, когда явно обозначено, кто имеет право пользоваться ресурсом и каковы границы самого ресурса;
- соответствие локальным условиям – нормы, регулирующие использование ресурса, должны быть адаптированы к местной специфике, а не просто «спущены» сверху;
- механизмы коллективного выбора – люди с большей вероятностью соблюдают нормы, к созданию которых имели отношение сами, поэтому большинство пользователей ресурса должны иметь возможность участвовать в разработке и изменении правил;
- мониторинг – необходим эффективный контроль за соблюдением правил, причем он работает лучше, если его осуществляют сами пользователи или подотчетные им лица;
- постепенные санкции – нарушители правил должны наказываться, но система санкций должна быть градуированной (например, начинаться с предупреждений или небольших штрафов);
- механизмы разрешения конфликтов – должны существовать быстрые, дешевые и доступные для всех способы разрешения споров между пользователями;
- минимальное признание государством – правила, созданные сообществом, не должны произвольно отменяться внешними властями;
- полицентрическая организация – в управлении сложными ресурсами полномочия должны быть распределены по разным уровням (локальные группы, муниципалитеты, региональные власти), что позволяет решать проблемы разного масштаба.

Таким образом, у М. Олсона и Э. Острома самоорганизация трактуется как процесс конструирования «правил игры» снизу, когда формальные институты недостаточно эффективны или отсутствуют. Однако такой подход склонен акцентировать рациональные стимулы и институциональные механизмы, иногда недооценивая коммуникативные процессы, культурные факторы и сетевые эффекты.

Второй подход связывает механизм самоорганизации с коммуникацией, смыслопорождением и формированием взаимных ожиданий. Фундаментом координации является установление общих оснований понимания и согласования действий. Ядром подхода можно считать теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Под коммуникативным действием понимается социальное взаимодействие, участники которого согласуют свои действия, ориентируясь не на собственную выгоду или внешнее принуждение, а на достижение взаимопонимания. Взаимопонимание достигается через публичное обсуждение – дискурс. Если его участники равноправны, искренни, готовы прислушиваться к аргументам друг друга и не превращают обсуждение в спор ради личной победы, выработанное решение может быть признано всеми участниками.

Ключевая дихотомия Хабермаса – инструментальная и коммуникативная рациональность. Инструментальная рациональность описывает целедостижение в мире объектов и руководствуется эффективностью и истинностью фактических суждений. Коммуникативная рациональность (именно ее реализует коммуникативное действие) описывает субъект-субъектные отношения и руководствуется приемлемостью норм и честностью участников. По Хабермасу, общественная самоорганизация возможна тогда, когда у людей есть пространство (публичная сфера) для реализации именно коммуникативной рациональности. При этом проблемой современности является активная колонизация жизненного мира «системой» – рынком, государством и т. д., в связи с чем коммуникативные действия подменяются инструментальными [10].

В контексте самоорганизации теория Хабермаса означает, что устойчивые формы совместного действия могут возникать из практик публичного обсуждения и формирования консенсуса, например в гражданских движениях, экспертных сообществах, сетях взаимопомощи. Если у Острома самоорганизация идет «снизу вверх» от конкретной проблемы через создание правил, то у Хабермаса – «из центра» общественной дискуссии через поиск рационального консенсуса (данная формулировка представляет собой адаптацию сложной архитектуры теории коммуникативного действия для целей сравнительного анализа механизмов самоорганизации). Ограничение коммуникативного подхода состоит в том, что он плохо описывает ситуации, где действия координируются без явного дискурсивного согласования.

Эту проблему решает третий, сетевой подход, связанный с работами таких авторов, как М. Грановеттер, М. Кастельс, Я. ван Дейк, Б. Веллман, Л. Райни и др., выводящий механизм самоорганизации из сетевой структуры взаимодействий: устойчивые паттерны связей задают режимы координации, которые возникают и поддерживаются без единого управляющего центра. В рамках данного подхода самоорганизация описывается через топологические характеристики социальной сети, такие как плотность и конфигурация связей, наличие узлов и «мостов» между кластерами, способность сети к адаптации [11]. Порядок возникает как эмерджентный, незапланированный эффект сетевых взаимодействий.

Например, у М. Кастельса самоорганизация происходит в так называемом «пространстве потоков» (противопоставляемом традиционному «пространству мест»): координация поведения людей не требует личной встречи, им достаточно иметь возможность «подключиться» к потокам и разделять один проект или общие ценности. В результате взаимодействий с околонулевыми издержками возникают устойчивые сообщества со своими нормами и идентичностями [12]. В работе «Власть коммуникации» Кастельс показывает, что власть в информационном обществе реализуется через контроль за коммуникационными потоками – как возможность соединять разные сети или, наоборот, изолировать одну сеть от другой. Соответственно, самоорганизация – это способность той или иной группы сформировать свою устойчивую сеть и успешно конкурировать за право реализации своей идентичности [12].

Я. ван Дейк, как и Кастельс, рассматривает сети как нервную систему общества, интегрирующую все его единицы в единую инфраструктуру. Однако если Кастельс считает, что сетевая структура сама подталкивает людей к образованию связей, то у ван Дейка сеть – это инструменты и среда, которая используется рациональными акторами для решения конкретных задач, например повлиять на государственную политику. В свою очередь, государство также становится сетевым, чтобы контролировать самоорганизацию граждан [13].

Сетевой подход к общественной самоорганизации привлекателен по двум причинам. Во-первых, он хорошо эмпирически операционализируется, особенно в цифровой среде, и самоорганизация из «метафоры» относительно легко превращается в набор цифр. Например, рост плотности сети и количества мостов между кластерами (субсетями) свидетельствует о том, что группа организуется, а тот участник, через которого проходит больше всего связей, вероятно, является ключевым координатором. Во-вторых, сетевой подход способен фиксировать «средний» уровень самоорганизации – уровень устойчивых сообществ и движений, которые уже вышли за рамки прямой коммуникации, но еще не стали формальными институтами или глобальными дискурсами. Ограничение сетевого подхода – это риск редуцировать координацию поведения к сетевым эффектам, игнорируя культурные, нормативные и институциональные факторы.

В рамках четвертого подхода самоорганизация понимается как воспроизводство социальных структур (устойчивых паттернов отношений, правил и возможностей действовать) через практики (рутинные, материально/телесно опосредованные, символически организованные действия). Предпосылка этого подхода – идеи эмерджентности, развернутые П. Блау: социальные структуры обладают свойствами, которые не выводятся напрямую из характеристик индивидов, но возникают как эффект взаимодействий и распределения позиций [14]. Важной

вехой является теория структуризации Э. Гидденса. Принцип дуальности структуры демонстрирует, что она одновременно выступает и средством, и результатом социальных практик. Это позволяет рассматривать самоорганизацию как непрерывный процесс взаимного производства действий и структур: акторы, ориентируясь на правила и ресурсные ограничения, воспроизводят эти правила и ограничения и тем самым поддерживают порядок без необходимости постоянного централизованного управления. При этом самоорганизация мыслится как динамический баланс: структуры устойчивы настолько, насколько они воспроизводятся в практиках, и уязвимы там, где воспроизводство нарушается [15].

П. Бурдье усиливает эту перспективу за счет анализа габитуса и полей. Габитус фиксирует устойчивые схемы восприятия и действия, которые формируются социально и делают повседневные практики естественными и самоочевидными для акторов. Поля же задают пространство борьбы за ресурсы и признание, в котором позиции акторов определены распределением экономического, культурного, социального и символического капитала. Самоорганизация в таком прочтении обнаруживается в том, что порядок воспроизводится не только через правила, но и через практические схемы действия и механизмы различения – координация возникает как эффект совпадения габитусов, логики поля и доступных ресурсов. Одновременно эта же логика объясняет, почему самоорганизация часто воспроизводит отношения власти: воспроизводство практик закрепляет неравенство и асимметрии доступа к капиталам [16].

Преимущество практико-структурного подхода (особенно перед подходом коммуникативным) – возможность описать самоорганизацию без предпосылки полного рационального согласования. Ограничения преимущественно связаны с эмпирической операционализацией – переходом к измеримым индикаторам: тот же габитус нельзя «увидеть» напрямую, его можно лишь примерно реконструировать через наблюдение или опросы.

Предложенная типология позволяет свести разнообразие социологических теорий самоорганизации к четырем объяснительным механизмам:

- самоорганизация через стимулы, санкции и локальные правила;
- самоорганизация через коммуникацию и дискурсивную легитимацию норм;
- самоорганизация через архитектуру сетевых взаимодействий;
- самоорганизация через воспроизводство практик.

Эти подходы не исключают друг друга, однако их аналитическое различие позволяет точнее ставить исследовательские вопросы: какой уровень социальной реальности является ключевым, какой механизм запускает и поддерживает порядок, какие условия делают самоорганизацию устойчивой и каковы границы применимости выбранной модели.

Российская специфика

Анализ самоорганизации в российском обществе имеет свою специфику: здесь особенно заметны гибридные режимы координации на стыке формальных правил и неформальных норм. Устойчивый порядок поддерживается не столько через работающие институты, сколько через сочетание регуляторной деятельности «сверху», сетевых эффектов, неформальных договоренностей и практик взаимной адаптации. Так, В.В. Радаев показывает, что координация поведения участников хозяйственных отношений нередко обеспечивается не только контрактами и формальными санкциями, но и репутацией, доверительными отношениями и повторяемостью контактов [17]. В исследовании В.В. Радаева «Неформальная экономика и институциональные изменения в России» показано, как предприниматели, не доверяя судебной системе, выстраивают долгосрочные связи с ограниченным кругом партнёров, где санкцией за нарушение договорённости становится исключение из сети доверия – механизм, функционально замещающий формальные контракты. К похожим выводам приходит В.В. Волков в работах о силовом предпринимательстве и практиках принуждения и защиты, где устойчивость порядка обеспечивается одновременно рыночными стимулами, неформальными договоренностями и элементами силового контроля [18]. Л.Я. Косалс и А.Н. Олейник показывают,

что реальными регуляторами поведения являются неформальные нормы и правила взаимодействия: акторы ориентируются на локальные представления о допустимом, на практики взаимного контроля, на санкции со стороны «своих» и на прагматическое избегание рисков. Самоорганизация в их логике – это создание и поддержание работающих правил «на местах» (в профессиональных сообществах, на локальных рынках, в сфере услуг) в условиях, когда официальная система правил недостаточна или ненадежна [9, 19].

Коммуникативный подход подчёркивает роль публичного обсуждения в формировании консенсуса. В российском контексте, однако, коммуникация часто происходит в закрытых или полужакрытых пространствах, где нормы легитимируются через дискурс «своих». С одной стороны, платформы и соцсети упрощают горизонтальные взаимодействия, ускоряют распространение информации, позволяют формировать распределённые сообщества. С другой – именно в российском контексте хорошо заметны ограничения: зависимость от инфраструктур, несимметричный доступ к ресурсам, административное влияние и алгоритмический контроль, а также проектный характер самоорганизации в цифровой среде. Проектный характер подразумевает, что кооперация людей происходит для достижения вполне конкретной цели (часто – обхода административных ограничений) в нецифровом мире, а по ее достижении сообщество распадается или становится неактивным. Например, в статье Г. Орловой и Дж. Морриса о режиме самоизоляции в период пандемии COVID-19 описана деятельность групп поддержки россиян, несправедливо оштрафованных в результате технических сбоев приложения «Социальный мониторинг». Сами группы работали в социальных сетях, но основу доверия составляла общая оффлайновая проблема – участники обменивались реальным опытом обжалования штрафов [20]. Поскольку подобный канал может быть заблокирован, удалён, подвергнут административному давлению, коммуникация обычно дублируется через закрытые чаты и личные контакты.

В исследовании механизмов самоорганизации через архитектуру сетевых взаимодействий А.В. Соколова «Особенности кооперации общественных объединений и гражданских активистов» показано, как в условиях ограниченности ресурсов и нерешённости социальных проблем формируются распределённые коалиции общественных организаций и гражданских активистов, координируемые преимущественно через наличие сильных лидеров и взаимосвязанность проблем. Устойчивость таких сетей обеспечивается архитектурной гибкостью: наличием небольшого ядра лидеров (2–3 лидера), ограниченным числом партнёров (до 7 организаций) и добровольным характером взаимодействия, а доверие при этом формировалось через равенство субъектов, преобладание горизонтальных связей и общность целей [11].

Говоря о самоорганизованных воспроизводимых практиках, уместно будет привести в пример работу А.В. Желниной «Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства», в которой продемонстрировано, как низовые культурные инициативы воспроизводятся через ритуализацию встреч, использование материальных носителей практики (пространства, инструменты, визуальные коды). Даже при довольно частой смене состава участников коллективные движения («Красивый Петербург», движение за велосипедизацию города и др.) продолжают существовать, потому что воспроизводятся через разделяемые смыслы и рутинные действия [21]. При этом А.В. Желнина подчёркивает, что эти действия не просто воспроизводятся в неизменном виде, но трансформируются в ответ на изменения контекста. В её исследовании показано, как креативные сообщества в Москве и Санкт-Петербурге адаптируют форматы встреч при смене площадок, модифицируют правила участия при изменении аудитории, переосмысливают содержание действий при трансформации городского контекста. А.В. Желнина называет это «гибкой воспроизводимостью» – способностью деятельности сохранять ядро (разделяемые смыслы, ключевые ритуалы, материальные атрибуты, визуальные коды) при изменении периферийных элементов (локация, точный формат, состав участников). В российском контексте такая гибкость особенно важна, поскольку низовые инициативы функционируют в условиях институциональной нестабильности: площадки могут закрываться, правила использования пространств – меняться, состав участников – обновляться.

Российские исследования показывают двойственный характер самоорганизованных практик: с одной стороны, они воспроизводятся через рутинизацию и ритуализацию, с другой – трансформируются в ответ на изменения контекста при сохранении идентичности.

Методологические проблемы исследований самоорганизации

Хотя понятие самоорганизации обладает богатым эвристическим потенциалом, его использование в социологии сталкивается с рядом методологических и этико-политических сложностей. Во-первых, обзор подходов свидетельствует о том, что сохраняется неоднородность в определениях: в разных традициях самоорганизация трактуется то как сетевой эффект, то как коммуникативная координация, то как институциональная саморегуляция, то как воспроизводство практик и структур. Отсутствие общего языка описания приводит к тому, что исследователи объединяют под одним термином разные явления, страдает сопоставление результатов и т. д.

Вторая проблема – переход от микроуровня исследований к мезо- и макроуровням. Например, теория М. Вебера акцентирует микрооснования социального порядка – согласование взаимных ожиданий, однако каким образом из микровзаимодействий возникают общественные явления более высоких порядков, исследователь ответить не может. У современных подходов также сохраняется акцентуация на разных уровнях: Остром рассматривает прежде всего средний уровень (локальные сообщества), представители сетевого подхода также больше сфокусированы на мезоуровне, Хабермас – на макроуровне публичной сферы. Подход к самоорганизации как к воспроизводству практик лучше всего работает на микро- и мезоуровне – социальные структуры существуют постольку, поскольку отдельные люди постоянно их «делают». Таким образом, социологу следует явно фиксировать, как именно он рассматривает механизм самоорганизации и какой уровень анализа общества для него является ключевым. Нарушение данного требования чревато подменой предмета исследования, несоответствием теории и эмпирических индикаторов, а также неверным выделением причинно-следственных связей в связи с прямым переносом логики с уровня на уровень (например, когда выводы о макроуровне делаются на основании индивидуальных мотивов).

Третья трудность – это операционализация: теоретические выкладки не всегда возможно перевести в наблюдаемые показатели. Подходы Остром и сетевых теоретиков в этом отношении относительно просты: границы сообществ, участие в выработке правил, распределение полномочий относительно легко фиксировать – как и конфигурацию связей в сети, наличие узлов, мостов между кластерами и т. д. Коммуникативный и практико-структуральный подходы, напротив, более трудны для операционализации: их теоретические объекты – условия дискурса, публичное пространство, габитус – не наблюдаемы, а реконструкция этих объектов – нетривиальный вопрос для исследователя. Например, в работе Л. Пушиной о поколенческих габитусах выделяются четыре способа их проявления: самоидентификация поколения, социальное самочувствие, мировоззренческие и инструментальные ценности, однако задача их операционализации не имеет очевидного решения. Более того, исследование любого проявления выходит за рамки простого опроса/интервью и предполагает основательный анализ культурно-исторического контекста. Стандартизировать процедуру такого анализа затруднительно [22].

Все это означает, что исследование социальной самоорганизации неизбежно требует комбинации подходов. Во избежание склейки понятий и методологического «винегрета» представляется разумным соблюдение трех условий:

- многоуровневость исследования – при единой цели исследования собираются разные данные об объекте под задачи, относящиеся к разным уровням рассмотрения;
- переходы «микро-мезо-макро» должны быть заданы как проверяемые связки – в дизайне исследования явно оговаривается, какой механизм самоорганизации на каком уровне считается ключевым и как один уровень задает содержание другого;

- МЕСЕ по объяснениям – каждый подход должен закрывать собственный вопрос (сетевой – структурные условия координации, практико-структуральный – воспроизводство социальных позиций и рутинных действий и т. д.).

Перспективы анализа общественной самоорганизации: новые контексты и исследовательские конфигурации

Перспективные направления исследований самоорганизации, по мнению автора статьи, охватывают области, где классическая трактовка самоорганизации как горизонтальной координации показывает свою недостаточность.

Во-первых, самоорганизация все больше опосредуется техническими средствами и платформами. Доступные технические средства, каналы коммуникации, интерфейсы, режимы доступа и модерации, а также системы рекомендаций во многом определяют горизонт ее возможностей: какие формы коллективности возникают, какие практики превращаются в стандарты, какие роли закрепляются или становятся центральными. С точки зрения методологии это усиливает потребность в комбинации подходов: сетевой анализ фиксирует структуру потоков и узлов, институциональный – распределение контроля над инфраструктурой, коммуникативный – легитимацию решений, практико-структуральный – рутинизацию участия и воспроизводство позиций в общественной иерархии. Соответственно, ключевым исследовательским вопросом становится вопрос о том, какой режим самоорганизации производится конкретной инфраструктурой.

Во-вторых, социальная самоорганизация может идти вразрез с потребностями «системы» в понимании Хабермаса – институционального порядка, заинтересованного в управляемости, предсказуемости и минимизации рисков, поэтому происходит ее domestикация – «приручение» и перевод в формы, которые сохраняют видимость автономности, но уменьшают угрозу системной стабильности. На сетевом уровне domestикация проявляется в формировании точек допуска и контроля ресурсных и информационных потоков; на институциональном – в формализации процедур и регламентации доступа к ресурсам; на коммуникативном – в дискурсивном разграничении приемлемых и неприемлемых форм активности; на уровне практик – в рутинизации и воспроизводстве безопасных сценариев участия и соответствующих социальных ролей.

Интересно, что domestикация самоорганизации не отменяет ее: автономные сети и инициативы могут сохраняться, но в измененной конфигурации, более совместимой с внешними требованиями. Потому ключевой исследовательский вопрос не в том, есть ли самоорганизация, а что происходит с ней при взаимодействии с властью. С теоретической точки зрения здесь появляется возможность связать микрооснования координации с макроусловиями стабильности: самоорганизация начинает видеться не просто «самопроизвольным порядком», но ареной конкуренции разных механизмов стабилизации.

В-третьих, самоорганизация чувствительна к режимам неопределенности и существенно различается в «норме» и в «пограничной ситуации». При нормальном социальном порядке процессы самокоординации чаще идут постепенно, опираются на стабильные сети и практики, привычные санкции и общественные ожидания. Ситуация кризиса – острого дефицита ресурсов, институциональной дисфункции и т. п. – создает иную динамику. С одной стороны, возрастает цена ошибок, из-за чего усиливается значение такой общественной «валюты», как доверие (ср., например, дихотомию «друг–враг» как предельное политическое различие, по К. Шмитту [23]). С другой стороны, возникает явление вторичной координации: люди вынуждены координироваться не только по поводу задачи, но и по поводу того, как координироваться, то есть вынуждены создавать правила, роли и форматы под чрезвычайные условия. Также конкуренция разных центров координации, предлагающих разную ее логику, ускоряет самоорганизацию, одновременно делая процесс более конфликтным. Пограничная ситуация – это своего рода «лаборатория» самоорганизации, где процессы пересборки социального порядка идут в ускоренном режиме.

Эти три линии задают небанальную исследовательскую повестку и позволяют увидеть самоорганизацию как динамическую, зависимую от контекста форму производства социального порядка.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Во-первых, социологическое понятие самоорганизации имеет сложную междисциплинарную генеалогию, но его продуктивность обусловлена именно социологической переработкой исходных идей: акцент смещается с физического или биологического «самодвижения» систем на социальные механизмы координации – правила, коммуникацию, сетевые эффекты, практики.

Во-вторых, в современной теоретической социологии сложились четыре относительно автономных подхода к объяснению самоорганизации. Институциональный подход (Остром) фиксирует роль локальных правил и санкций; коммуникативный (Хабермас) – значение публичного дискурса и достижения консенсуса; сетевой (Кастельс, ван Дейк) – эмерджентные эффекты конфигурации связей; практико-структуральный (Гидденс, Бурдье) – повседневное воспроизводство социальных норм. Каждый из подходов обладает своими ограничениями, что делает их не столько конкурирующими, сколько взаимодополняющими.

В-третьих, ключевая методологическая проблема изучения самоорганизации связана с многоуровневостью объекта: механизмы общественного микроуровня не сводятся к макроэффектам, макроструктуры не являются прямой проекцией индивидуальных мотивов. Это требует рефлексивного отношения к дизайну исследования и явного задания переходов между уровнями анализа.

Наконец, перспективные направления изучения общественной самоорганизации связаны с тремя сдвигами: во-первых, с усилением ее технического опосредования (цифровые платформы, алгоритмы, интерфейсы); во-вторых, с изучением ее трансформации под давлением власти; в-третьих, с анализом самоорганизации в пограничных ситуациях (кризисы, катастрофы), где привычные механизмы координации дают сбой и возникают ускоренные режимы пересборки социального. В этих контекстах предложенная типология может служить аналитической рамкой, позволяющей не смешивать различные механизмы и фиксировать их специфическую динамику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ashby W.R. Principles of the self-organizing dynamic system. *The Journal of General Psychology*, 1947, Vol. 37, № 2, P. 125–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/00221309.1947.9918144>.
2. Oomen P. Self-organization. *Encyclopedia of Science and Religion*. Ed. by J.W.V. van Huyssteen. New York: Macmillan Reference USA, 2003. P. 797–798.
3. Keller E.F. Organisms, machines, and thunderstorms: a history of self-organization, part one. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2008, Vol. 38, № 1, P. 45–75. DOI: <https://doi.org/10.1525/hsns.2008.38.1.45>.
4. Дерябина М.А. Самоорганизация социально-экономических систем: теоретические основания. М.: Институт экономики РАН, 2018. 34 с.
5. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. М.: Канон, 1996. 432 с.
6. Парсонс Т. *О социальных системах*. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
7. Вебер М. Основные социологические понятия. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 602–633.
8. Olson M. *The logic of collective action: public goods and the theory of groups, with a new preface and appendix*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. 176 p.
9. Остром Э. *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010. 447 с.
10. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты). Пер. А.Б. Рахманова. *Личность. Культура. Общество*, 2004, Т. 6, № 1 (21), С. 303–312. EDN: HSKTRP.
11. Ушкин С.Г. Социология социальных сетей: ретроспективный анализ. *Социологический журнал*, 2013, № 1, С. 94–110. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.366>. EDN: QASHYJ.
12. Кастельс М. *Власть коммуникации*. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. 592 с.
13. Van Dijk J. *The network society*. London: SAGE Publications, 2006. 292 p.

14. Блау П. *Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель. Американская социологическая мысль: тексты.* Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 3–16.
15. Гидденс Э. *Устроение общества. Очерк теории структуризации.* М.: Академический проект, 2003. 525 с.
16. Бурдьё П. *Различение: социальная критика суждения вкуса.* М.: РОССПЭН, 2005. 680 с.
17. Радаев В.В. *Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России.* М.: НИУ ВШЭ, 2011. 384 с. EDN: VSJVPZ.
18. Волков В.В. *Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ.* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 360 с. EDN: WUQAPO.
19. Косалс Л.Я. Деловой климат в клановой экономической системе. *Вестник Европы.* URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4907> (дата обращения 08.09.2025).
20. *Сети города: Люди. Технологии. Власти.* Под ред. О.Н. Запорожец, Е.Г. Лапиной-Кратасюк, А.Г. Возьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 1504 с.
21. Желнина А.А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2015, Т. 18, № 2, С. 45–59.
22. Пушина Л.Ю. Габитус как атрибут поколенческой общности. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*, 2012, Т. 18, № 2, С. 184–187. EDN: PYNRBJ.
23. Дарбинян Г.Н. Экзистенциальный смысл политического в концепциях Макса Вебера и Карла Шмитта. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, 2025, Вып. 1, С. 31–43. DOI: 10.18101/1994-0866-2025-1-31-43. EDN: BUHCR.

Информация об авторе

Анна Левоновна Гусейнова, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская площадь, 6, стр. 6; aguseinova@gmail.com

Поступила в редакцию: 12.03.2026

Поступила после рецензирования: 06.05.2026

Принята к публикации: 29.06.2026

REFERENCES

1. Ashby W.R. Principles of the self-organizing dynamic system. *The Journal of General Psychology*, 1947, vol. 37, no. 2, pp. 125–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/00221309.1947.9918144>.
2. Oomen P. Self-organization. *Encyclopedia of Science and Religion*. Ed. by J.W.V. van Huyssteen. New York, Macmillan Reference USA, 2003. pp. 797–798.
3. Keller E.F. Organisms, machines, and thunderstorms: a history of self-organization, part one. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2008, vol. 38, no. 1, pp. 45–75. DOI: <https://doi.org/10.1525/hsns.2008.38.1.45>.
4. Deryabina M.A. *Self-organization of socio-economic systems: theoretical foundations.* Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 34 p. (In Russ.)
5. Durkheim E. *On the division of social labor.* Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p. (In Russ.)
6. Parsons T. *On social systems.* Moscow, Academicheskyy Proekt Publ., 2002. 832 p. (In Russ.)
7. Weber M. Basic sociological concepts. *Selected Works.* Moscow, Progress Publ., 1990. pp. 602–633. (In Russ.)
8. Olson M. *The logic of collective action: public goods and the theory of groups, with a new preface and appendix.* Cambridge, MA, Harvard University Press, 1965. 176 p.
9. Ostrom E. *Managing the common: the evolution of institutions of collective activity.* Moscow, IRISEN Publ.; Mysl Publ., 2010. 447 p. (In Russ.)
10. Hebermas J. The theory of communicative action (continued). *Person. Culture. Society.* 2004, vol. 6, no. 1 (21), pp. 303–312. (In Russ.) EDN: HSKTPP.
11. Ushkin S.G. Social network theory: retrospective analyses. *Sociological Journal*, 2013, no. 1, pp. 94–110. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.366>. EDN: QASHYJ.
12. Castells M. *The power of communication.* Moscow, HSE Publ. House, 2020. 592 p. (In Russ.)
13. Van Dijk J. *The network society.* London, SAGE Publications, 2006. 292 p.
14. Blau P. Different views on social structure and their common denominator. *American Sociological Thought*. Ed. by V.I. Dobrenkov. Moscow, Moscow State University Press, 1994. pp. 3–16. (In Russ.)
15. Giddens E. *The structure of society. An essay on the theory of structuration.* Moscow, Academic Project Publ., 2003. 525 p. (In Russ.)
16. Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgment of taste.* Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 680 p. (In Russ.)
17. Radaev V.V. *Who holds the power in consumer markets: relations between retail chains and suppliers in contemporary Russia.* Moscow, HSE Publ., 2011. 384 p. (In Russ.) EDN: VSJVPZ.
18. Volkov V.V. *Power entrepreneurship: the 21st century: an economic and sociological analysis.* St Petersburg, Press of the European University at St Petersburg Publ., 2020. 360 p. (In Russ.) EDN: WUQAPO.

19. Kosals L.Ya. Business climate in a clan economic system. *Bulletin of Europe*. (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/4907> (accessed 8 September 2025).
20. *Networks of the city: people, technologies, authorities*. Eds. O. Zaporozhets, E. Lapina-Kratsyuk, A. Vozianov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 1504 p. (In Russ.)
21. Zhelnina A.A. Creativity in the city: reinterpretation of public space. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2015, vol. 18, no. 2, pp. 45–59. (In Russ.)
22. Pushina L.Yu. Habitus as an attribute of generational community. *Vestnik of Kostroma state university*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 184–187. (In Russ.) EDN: PYNRBJ.
23. Darbinyan G.N. Existentiality of the political in Max Weber's and Carl Schmitt's concepts. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2025, Iss. 1, pp. 31–43. (In Russ.) DOI: 10.18101/1994-0866-2025-1-31-43. EDN: BUIHCR.

Information about the author

Anna L. Guseynova, Applicant, Russian State University for the Humanities, 6, bld. 6, Miuskaya square, Moscow, 125047, Russian Federation; aguseynova@gmail.com

Received: 12.03.2026

Revised: 06.05.2026

Accepted: 29.06.2026